

НАДЕЖДА

МАМАЕВА

Король рейтингов

ПЕРВАЯ
ИСТОРИЯ ЦИКЛА
"Профессионалы"

Надежда Николаевна Мамаева

Король рейтингов

Серия «Профессионалы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67264005

Аннотация

Аннотация:

История о том, чтоб бывает, когда сталкиваются два профессионала с непростыми характерами.

Дана – та, кто каждый день спасает жизни. Дэн – тот, кто управляет настроением и мнениями толпы, протаскивает в топ бренды и делает из ноунеймов звезд.

Они никогда бы не встретились, если бы не случай. Но теперь Дане нужна его помощь. А Дэну нужно от нее... Стоп. А что именно ему нужно от Даны?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	60
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Надежда Мамаева

Король рейтингов

© Надежда Мамаева, текст:

© Анна Алёхина, фото иллюстраций

Модели: Екатерина Решта, Александр Ершов, Данила Решта

Makeup: Наталья Кривошеева

Локации: в т. ч. г Йошкар-Ола, кафе "Ревизоръ"

© Марго Огненная, дизайн обложки

© Бронислава Вонсович, корректор

Глава 1

*Все женщины хотят, чтобы их любили.
Тех, кого любят мало, – чтобы их обожали.
Мужчины жаждут признания заслуг.
Но, попадая в инстаграм, и те и другие ждут лайков.*

Дэн Льдов

– Хм... Тут написано, что мерло стоит подавать к сыру или дичи, – заявила подруга, держа в руках вино и разглядывая надпись.

– Сыра у меня нет, а вот дичь могу организовать. Подожди, сейчас зайду в один блог: ее там навалом, – нашлась я. – Ну что, будем праздновать? Или ты промедитируешь со штопором до утра? А то ты так с ним застыла, будто не бутылку откупорить, а фиброму у пациентки захватить собралась.

– Не матерись на меня своей медициной, несчастный интерн, – патетично произнесла Ева. – У меня, между прочим, сегодня премьера была, а ты...

– А я... – в точности копируя ее интонацию, подхватила я, – ... к слову, давно не интерн. Уже два года, как прозябаю в ординатуре! К тому же я, как настоящая подруга, предложила тебе отметить это дело: купить мерло и превратиться

немножко в мур...

– Дана! – укоризненно воскликнула Ева.

А я что? Я – ничего. Подумаешь, хроническая язва и та еще ехидна. Циник? Так у врачей эта черта характера должна входить в базовую комплектацию. Иначе чужая боль может просто задавить. А черный юмор и здоровый цинизм порою помогают выжить, пережить и не свихнуться.

– Что «Дана»? Я уже двадцать семь лет как Дана. И не жалею. А вот ты меня перебила и не узнала, что я хотела предложить превратиться в мурчащих кошечек.

– Судя по твоей рифме, выходило слегка другое, – не сда-лась Ева.

– Судя по анализам, у больного тоже много чего выходило, а оказалось... – я назидательно подняла палец, – ...он просто дурак.

Пиликнувший телефон заставил подругу встрепенуться. Она бросила штопор, поставила бутылку на стол и тут же полезла проверять, что пришло ей на мессенджер. Впилась взглядом в экран и тут же начала писать ответ.

Сидя в кресле, я с удивлением наблюдала, как Ева – неприступная снежная королева, разбившая острием своих каблуков множество мужских сердец, – сейчас лихорадочно краснеет. Ее пальцы мелькали, она что-то сосредоточенно набирала, прикусив губу.

– Знаешь, я помню тебя такой в первом классе, когда тебе до безумия понравился Сашка Лебедев... Неужели спустя

почти шестнадцать лет случился рецидив и ты снова влюбилась? А как же твой спонсор, с которым вы снова сошлись? – насмешливо спросила я и обвела выразительным взглядом далеко не бедную квартиру, в которой ныне проживала Ева. В очередной раз проживала.

– Влюбилась? – переспросила она и наконец оторвалась от телефона. Чуть нервно накручивая рыжий локон (для очередной роли ей, блондинке от природы, пришлось пере-краситься в огненно-рыжий), энергично возразила: – Что за чушь! Скажешь тоже. Это мой агент. Он нашел специалиста, который сможет раскрутить мою страницу в инстаграме, да и вообще сделать меня популярной в сети.

– Я думала, популярным актера делают фильмы, в которых он снимается.

Подруга фыркнула:

– Для режиссеров начинающие актеры – безликая серая масса. Одноразовое лицо, ценность которого только в том, что оно еще не примелькалось в кадре. А чтобы тебя приглашали именно из-за твоего имени, нужно, чтобы это самое имя было популярным, то есть звучало из каждого утюга.

– И твой...

Я попыталась подобрать определение, но на ум приходили отчего-то лишь созвучные «гений» и «гемор».

– ...раскрутичик, – нашлась я. И плевать, что такого слова вроде бы нет. Кто-то уверял, что русский язык – это перманентно развивающаяся система. Значит, я только что внесла

вклад в ее развитие. – Этот раскрутчик сделает так, чтобы твое имя и лицо стали узнаваемы?

– Да. Сделает.

Ева, несмотря на ореол легкости и беспечности, которыми овеяна ее профессия, была весьма трезвомыслящей особой. Потому добавила, явно процитировав то ли своего спонсора, то ли статью договора (что порою одно и то же):

– Вернее, попытается сделать все возможное и невозможное для моей раскрутки с учетом рамок выделенного на это бюджета. Увы, на гонорар для гениев пиара и королей рейтинга у меня не хватит средств.

Я вспомнила Додика, как ласково Ева называла своего отнюдь не бедного спонсора, поклонника, почитателя таланта... В общем, любовника, с которым подруга ссорилась регулярно, как по расписанию. Впрочем, мирилась тоже с завидным постоянством. Ева звонила ему и говорила, что скучает, он тут же бросал свою очередную подружку и мчался к ней. Он потакал всем недешевым прихотям своей снежной королевы.

– А сколько берут эти самые гении за свои услуги пиара? Цифра с шестью нулями меня впечатлила.

– М-да... – присвистнула я. – А я-то, наивная чукотская девочка, все понять не могла, отчего все так стремятся в блогеры, реперы, медиабейеры, веб-дизайнеры, коучи, сеошники...

– Шутки шутками, – перебила Ева, протягивая мне бо-

кал, – но многие блогеры не просто превосходят по популярности звезд. Они сами звезды, и не только в масштабах инстаграма или ютуба. Представляешь, вчера режиссер серьезно подумывал, не пригласить ли на главную роль в сериале вместо меня Линду Старр, которая даже театрального училища не оканчивала. А знаешь почему? – сердито прищурилась она. И тут же прогундосила, явно передразнивая того самого режиссера: – Потому что ее блог насчитывает полмиллиона подписчиков!

Ева обиженно фыркнула. Оно и понятно: в свое время, чтобы поступить в институт на актерское, она не спала ночами, учила, репетировала. И для ролей она фанатично делала все! Голодала, когда нужно было похудеть. Сидела на углеводной диете, чтобы поправиться. Перекрасить волосы – ерунда, обрить голову – согласна.

Да что там внешний облик! Если бы потребовалось для роли, Ева бы и ноги сломала. Обе. Причем не только себе, но и режиссеру, оператору, всей съемочной группе, а также Линде Старр и каждому из ее полумиллиона подписчиков.

– Как хорошо, что у нас главврач отделения не руководствуется числом подписчиков в инстаграме, когда речь заходит об ассистировании при операции...

– Тебе не понять, – сдаваясь, выдохнула Ева. – И давай уже, включай. Будем смотреть первую серию «остросюжетного триллера, действие которого разворачивается в начале тридцатых годов прошлого века...» – в точности скопировав

закадровый голос диктора, продекламировала она.

– Ну-с... Посмотрим, что ты там налицедействовала.

И я щелкнула кнопкой пульта.

Время текло неспешно, как это бывает только долгими осенними вечерами. Холодный дождь ласкал стекло, целовал его каплями, шептал о своем, сокровенном, делясь секретам низких, распухших до свинцовой синевы туч. Они, тучи, сегодня с утра заволокли все небо и вот, наконец, в девять вечера разродились.

Ева была хороша на экране, убедительна, талантлива, вино в бокале – недурно, а вечер – приятен. Почти приятен. Если бы не сериал. Я ненавидела фильмы про любовь, но терпела их. И когда серия закончилась, выдохнула с облегчением.

Мы с Евой были одни в шикарной квартире: новостройка, престижный район. Двадцать пятый этаж и огни города, как на ладони. Сегодня у ее Додика нарисовались важные переговоры, а у нас – девичник. Ну и премьера сериала с участием подруги.

– Ты все еще думаешь о нем? – словно уловив мои мысли, спросила Ева.

– Да, конечно. Я думаю о нем... – Я сделала паузу и добавила: – О моем дипломе. Кандидатском, мать его, дисере. Надо было остановиться на интернатуре... Но ничего, вот напишу, защищу, перетерплю тридцать минут позора и стану кандидатом медицинских... И тогда... Будет все: вакха-

налия, оргия, пляски на столе, — отшутилась я.

— Ты поняла, о ком я, — не поддалась она.

— Ева, нет. Я ни разу не звонила ему. Не писала. Даже удалила его из друзей. И не фолловлю с фейкового акка, если ты об Олеге!

Соврала. Снова. В который раз.

Я отлично научилась лгать — круче, чем отпетый психолог. Да-да, в моем личном рейтинге лжецов именно психологи возглавляли топовую пятерку. А уже потом шли шулеры, актеры, продавцы и описание товара на Алиэкспрессе. Я же лгала с огоньком, настолько убедительно, что порою сама себе верила.

Фото Олега было в моем телефоне. Да, я не писала ему, хотя много раз хотела. Не звонила... Но помнила.

Кто-то сказал, что ушедшая любовь — это труп. Ее можно кремировать, собрать пепел в вазу и развеять по ветру. А можно пытаться воскресить. И тогда в лучшем случае выйдет зомби. В худшем — ты сама станешь привидением, бледной тенью прежней себя. Я не хотела второго, но не могла сделать первого.

— Я, пожалуй, пойду... — протянула я, вставая с кресла. Всегда исповедовала принцип: от болезненных тем, как и с угарной тусовки, нужно уходить резко и с улыбкой, пока еще можешь держать лицо. — Сериал был хорош, ты в нем — еще лучше, но мне завтра к восьми на дежурство. Увы, там не будет лайков, репостов, захватов подписчиков...

– Охватов, – машинально поправила Ева.

– И их тоже, – согласилась я. – Зато будут два плановых кесарева. О черт!

Я брезгливо отдернула руку от своей кашемировой кофты. Вернее, от того, что было кашемировой кофтой, пока по дороге сюда ее непутевая хозяйка не попала под дождь. Влезать в сырое и холодное нечто совершенно не хотелось...

– На, возьми мой... – хихикнула Ева, протягивая мне ярко-красный, даже на вид теплый и удобный плащ. – А это мокрое чудище оставь. Высохнет, в следующий раз забережь.

Кто бы стал отказываться от такого обмена? Мы попрощались с Евой, и я вышла в холодный осенний вечер. Рядом с домом курили два странных типа, но едва я посмотрела в их сторону внимательнее – тут же поспешили скрыться.

Промозглый сентябрьский ветер ударил в лицо. И почему поэты романтизируют осень? Нет в ней ничего такого, чтобы рыдать от щемящего восторга. Зато имеются холод, пасмурное небо и работа, работа, работа. Внутри заворочались тоска и стремление к чему-нибудь разгульному, чтобы стереть, выжечь мысли и воспоминания. Но из всех вариантов вакханалии (с учетом бюджета и смены, начинающейся в восемь утра) оптимальным было ведерко попкорна и порнушка. Да, примитивно. Да, не Кафка или Мандельштам. Зато моя душа не будет болеть. Душа в это время предпочитает вообще спрятаться, накрывшись трехслойным одеялом, чтобы не

слышать откровенных бесстыдных стонов. А моему телу... Телу определенно нравится попкорн и бит, звучащий в наушниках.

Хотя кого я обманываю?

Черт, и зачем только Ева заговорила о нем?

Олег. Моя любовь без взаимности. Он не обманывал, не изменял, не обещал. Просто был равнодушен. Правда, сначала я принимала это за сдержанность. Надеюсь, что я тоже нравлюсь ему... Но однажды услышала: «Дана, нам стоит расстаться. Кажется, я впервые влюбился. И не хочу тебя обманывать».

В тот момент я почувствовала себя лесенкой. Промежуточным этапом. Временной опорой, надобность в которой отпала: ведь появилась перспектива подняться выше... Но я нашла в себе силы улыбнуться и спросить:

– Значит, меня не любил?

– Дана, ты интересная девушка. Но наши отношения... Они физиологичны. Дружба, секс – не более. Я не клялся тебе в неземных чувствах, но мне было с тобой хорошо в постели.

– Михеев, я все понимаю. И даже желаю тебе счастья в твоей любви. Но мой тебе совет: убирайся из моей жизни к чертям. Раз и навсегда!

Было дико больно. От слов. От разбитых надежд. Но злость, как незримая кость в горле, не дала склонить головы. Она, обжигающая, высушила слезы.

Я развернулась и ушла. Правда, тогда я еще не знала, насколько глубоко под кожу мне забрался Олег. Он стал моей пагубной привычкой, зависимостью. Говорят, бывших курильщиков не бывает. Неужели не бывает и бывших влюбленных, а есть только те, кто хорошо умеет притворяться или страдает амнезией?

Как-то Ева предложила выбить клин клином. Найти парня для тела и дела: если не для любви, то для постели. Но увы. Мне гордость не позволила. Хотя Ева назвала это иначе.

Впереди шла парочка. Они прижимались друг к другу. Прятались под одним зонтом, хотя дождь уже закончился. И мне, глядя на них, захотелось хоть немножко согреться. Я пошла следом.

На миг мелькнула мысль: может, именно так начинается шизофрения? Когда внутри тебя пустота, и ты стремишься ее заполнить хотя бы так, греясь отсветом чужой любви, взаимной, счастливой...

Улица была в меру шумная и людная. По краю тротуара шеренгой солдат тянулся к мрачному небу ряд лип. Почти обнаженных. Опавшие листья, прижатые к земле дождем, блестели в отсветах фар.

Пара ушла, держась за руки. А я осталась. Посмотрела на небо, готовое вот-вот плюнуть мне в лицо своим мелким морсящим пессимизмом. Умники говорят, что время лечит душу. Правда, умалчивают, что оно калечит тело, превращая его в старую развалину.

Я поправила рюкзак и, нацепив наушники, зашагала к метро. Порerefлексировала? И хватит. У меня и другие дела есть. Например, завтра – с ножом на живого человека идти. В смысле, со скальпелем на пациента. К такому надо подготовиться. Хотя бы выспаться.

Спустившись в подземку и проехав до своей станции, я вышла из метро. В ушах звучала уже старая добрая классика: «На фоне Эйфелевой башни...» Я подпевала. Причем подпевала не отцензуренной версии, а оригиналу. Возможно – вслух. Возможно – не шепотом. За подобную привычку я не раз достаивалась нелестных эпитетов, а то и плевков вслед от бабулек – вечных стражей, защищавших Вестерос... наш подъезд.

Вот странность: я несколько месяцев снимала комнату в квартире этого дома, и почти всегда, в какое бы время ни возвращалась, видела у подъезда сей фейсконтроль. Иногда – целую бригаду, иногда – одиночных бойцов за нравственность.

Меня эти резиденты пенсионного фонда причисляли сразу и к наркоманкам, и к сатанистам, и к девушкам с заниженной планкой социальной ответственности. Правда, в последнем случае бабули выражались не так корректно и игнорировали формулировку «жертва обстоятельств». Пользовались более доходчивым: шалава.

Я в дискуссии не вступала. Нацепляла наушники и проходила. Ибо слова не грязь, одежды не испачкают. А вот оче-

редь под дверью квартиры из фрау преклонных лет, которым нужно поставить капельницу, сделать укол, померить давление и выслушать все жалобы на здоровье, пережить куда сложнее. Кстати, меня всегда интересовал вопрос: на лавочке и у квартиры одни и те же старушки? Уж очень сильно они отличались: злобные снаружи, милые внутри.

Так, подпевая и размышляя о таинственных превращениях бабулек, я почти добралась до своего дома – блочной пятиэтажки. Оставалось совсем немного: свернуть за угол и...

Свернула. И на полном ходу врезалась в неприятности. Потому как двух отморозков, явно не фиалки там нюхавших, к приятным подаркам судьбы отнести было нельзя. Даже с натяжкой.

Не отрывая взгляда от подозрительных типов, я медленно стянула наушники, в которых все еще играл «Ленинград». Отстранённо, словно все это происходило не со мной, отметила, как один заходит сбоку, а второй растягивает губы в ухмылке. Почему-то ярче всего запомнилось, что у него выбит передний нижний резец.

– Огоньку не найдется? – издевательски прогнусавил он, сплюнув через дырку в зубах.

В полумраке мелькнула сталь: первый вытащил нож. Скупой блеск отточенного металла показался мне ярче залпа салюта. Я резко толкнула беззубого бандита, метя локтем в солнечное сплетение, а кроссовкой – в коленную чашечку. Со всей силы, понимая, что второй попытки не будет.

– Сук... – прохрипел, согнувшись пополам, этот гаденыш.

Но я не собиралась оставаться, чтобы выслушать остальные комплименты в свой адрес.

Рванула прочь, сквозь чернильные тени и гулкую ночную пустоту. Неважно куда, главное – подальше отсюда. Не чувствуя ни боли в сорванных мышцах, ни бешено колотящегося сердца, готового выпрыгнуть из горла, ни рези в боку, ни того, что давлюсь воздухом, я бежала, бежала и бежала. За спиной слышался топот. Я, не оглядывалась, летела, не разбирая дороги: по лужам, по выбоинам старого асфальта. Лишь бы унести ноги.

Я не была марафонцем. Да что там, бегом особо не занималась. Обычная, стройная, но не от спорта, а потому что такая родилась, сейчас я мчалась по ночному городу рыжей стрелой. Топот и крики были все ближе и ближе. Я выскочила на улицу недалеко от перекрестка. Она, безлюдная, темная, была рассечена лишь светом фонарей и яркими вспышками фар проносящихся по дороге машин. И хотя меня наверняка видели водители, а может, и кто-то из окон домов.... Но я была уверена: никто, никто не набрал бы сто двенадцать. Зато потянуться к камере телефона – это запросто.

Что делать? Бежать по прямой? Догонят. Обязательно, как пить дать. Спрятаться? Они меня видят. А вот пересечь проезжую часть, чтобы выиграть время... Я рванула напрямик через кусты. Благо дорога вроде бы пока была чистой.

Мотоцикл появился неожиданно. Вырулил из-за угла на полной скорости, полоснув по глазам светом фар. Это были какие-то доли секунды, за которые я даже толком не успела осознать, что произойдет. Да что там осознать – испугаться.

Удар пришелся по касательной, но у меня все равно было ощущение, что руку от локтя и ниже выдрало из сустава. Я крутанулась вокруг своей оси, теряя равновесие. Время словно замедлилось, растянулось эластичной резинкой.

Падая, я странно отчетливо успела увидеть, как мотоциклист, оттолкнувшись, прыгнул и прокатился по дороге.

Байк ушел в скользячку, завалившись на бок и выжигая искры на асфальте своим дорогим обвесом. Пару метров мо-

тоциклиста тащило за ним следом ногами вперед. Это и позволило амортизировать столкновение.

Я лежала на дороге, прижимаясь щекой к мокрому холодному асфальту, и чувствовала, как плащ вбирает в себя стылость лужи. Дико ныло бедро, перед глазами белели брызги пластика от разлетевшихся наушников. По краю плавающего сознания скользнула вялая мысль: «Счастье, что не ударились виском...»

Почти сразу же послышались визг тормозов, клаксоны. Машина, ехавшая следом за мотоциклистом, резко остановилась. Звук закрывшейся двери... Казалось, она захлопнулась о мою голову. Мотоциклист неподвижно лежал на асфальте. С запозданием пришло понимание: он успел в последний момент вырулить. Пару секунд назад несясь в лобовую, и у меня были прямо-таки шикарные перспективы на личную встречу с апостолом Петром.

Нас медленно объезжали машины, кто-то даже остановился чуть дальше у обочины. Сверху доносился приглушенный отчаянный мат.

Я попыталась пошевелиться, ощутить свое тело, и именно в этот момент мотоциклист застонал. «Живой», – мелькнула мысль. Оную подтвердил сдавленный возглас, раздавшийся через пару секунд:

– Какого хре...

Я попыталась сесть, придерживая здоровой рукой голову. Смогла это сделать со второй попытки, да и то не без чу-

жой помощи. Огляделась. Всего в полуметре от меня, вывернув колеса, застыл «Рено», видимо, ехавший следом за байком. Похоже, встреча с апостолом Петром была куда реальнее, чем я думала. Водитель «Рено», присев на корточки, придерживал меня. На лбу седого мужчины в годах блестела испарина, в глазах таяли отблески пережитого страха.

– Тебе что, жить надоело? – его голос облил меня злостью. – Сама едва не умерла, еще и его, – кивок на мотоциклиста, – чуть не угробила.

Я машинально проследила за его жестом и увидела, что с асфальта медленно поднимается байкер.

Судя по тому, как крепко он стоял на ногах, все же смерть в ближайшие пару минут ему не грозила. Мотоциклист снял шлем и посмотрел на меня.

Вот так иногда судьба случайно сводит тебя с человеком. Ваши взгляды встречаются, сталкиваются, как две кометы, беззвучно расцветая гигантской вспышкой-хризантемой в космическом вакууме, и ты понимаешь: это он! Он! Тот, без которого ты хочешь прожить всю оставшуюся жизнь.

Высокий брюнет взирал на меня так, словно хотел раздавить. И единственное, что ему мешало это сделать, – свидетели. И то сомневаюсь... Хозяин «Рено» наверняка ему с удовольствием поможет: придержит, чтобы не дергалась, вон как вцепился в мои плечи. А второй водитель, чья машина припарковалась у обочины чуть дальше, отвернётся и уши заткнет. Чтобы потом, если спросят, не байкер ли меня при-

душил, с чистой совестью заявить, что ничего подобного он в глаза не видел, в уши не слышал.

– С тобой все в порядке? – спросил мотоциклист.

А прозвучало как: «Ты больная, что ли, из кустов на дорожку выпрыгивать?»

– Т-теперь да, – ответила я, осознавая, что за последние пару минут два раза избежала (причем один раз – в прямом смысле) неприятностей.

– Теперь?

Всего одно слово, и сразу понятно: высокий подтянутый брюнет из тех, кто считает, что не стоит тратить время и обижаться, гораздо эффективнее ненавидеть и мстить.

Адреналин, впрыснутый в кровь погоней и испугом, никуда не делся. Он бился в пульсе, долбил не хуже отбойного молотка по нервным клеткам, подстегивал древний инстинкт: в случае опасности бежать или сражаться. Хотя лучше бы этот самый инстинкт помогал мне вовремя промолчать: съязвить хотелось неимоверно. Но в последний момент я прикусила язык. Ответ вышел почти нейтральным:

– На меня напали какие-то отморозки в подворотне, хотели ограбить...

«Наверное, ограбить», – мысленно поправилась я, прекрасно понимая, что этим могло и не ограничиться.

– ...Я убегала от них, вот и выскочила на дорогу.

– Сто двенадцать вызывать? – растерянно спросил второй водитель.

Вопрос вроде бы простой, но насколько противоречивый... Вообще-то, по идее, было нужно. Но пока приедет скорая и ДПС, пока составят протокол... Домой вернусь часа в три утра, не раньше. Еще и со штрафом в зубах. За то, что перебегала улицу в неположенном месте. А единственное, чего мне сейчас хотелось, – попасть, наконец, в свою комнату и рухнуть спать. М-да, вот и погуляла на девичнике.

Я пошевелила ушибленной рукой. Боль заворочалась в локте, обхватив его своими огненными щупальцами. Но было терпимо. Похоже, просто сильный ушиб.

Брюнет поднял свой байк, оглядел его. По-моему, двухколесная махина не пострадала, но если он решит воспользоваться страховкой... Мысленно я уже распрощалась с возможностью поспать.

– Тебе скорая нужна? – спросил мотоциклист.

– Нет, – воскликнула я. Еще и замотала головой, отчего рыжие волосы рассыпались по плечам.

Вообще, с ними у меня была вечная беда. Огненные, волнистые, длиной ниже плеч, они постоянно выбивались из косы, их не удерживали резинки и заколки – так и норовили вылезти из-под хирургической шапочки.

– Мне они тоже не нужны. Так что спасибо. – Байкер протянул руку сначала одному водителю, потом второму...

Почему-то мне показалось, что номера машин мотоциклист запомнил: слишком уж он пристально на них посмотрел, когда «Рено» и «Датсун» отъехали.

– Тебя подвезти? – небрежно поинтересовался он. От столь неожиданного вопроса я даже на миг замерла. – А то вдруг еще кто... нападет.

Я представила, как будет выглядеть это «подвезти» – семьсот метров прямо и во двор. Байкер наверняка решит, что я издеваюсь.

– Да нет, не стоит. Я уже почти дошла. – И указала на свой дом.

– Ну смотри... – произнес он безразлично. Как будто его делом было предложить, моим – отказаться. Тем удивитель-

нее было прозвучавшее в следующую секунду: – Твою ж мать!

Я ошеломленно моргнула, не сразу поняв, что последнее восклицание относилось не ко мне.

Лишь проследив за его взглядом, обнаружила, что штанина на его бедре была разодрана и пропиталась кровью. А ведь байкерскую задницу обтягивали не магазинные джинсы, а мотоштаны со спецзащитой.

– Пошли ко мне, зашью, – вздохнула я.

Да, я была уставшей, грязной, мокрой, с саднящей рукой, но все же в первую очередь – врачом.

– Штаны? – хмыкнул мотоциклист, явно не ожидавший такого хозяйственного предложения.

– Тебя зашью. В смысле, порез.

Он уставился на меня каким-то странным изучающим взглядом.

– Я хирург, – добавила я.

Вот только не уточнила, что конкретно я – хирург-ординатор в отделении акушерства и гинекологии. Незачем байкера раньше времени пугать.

– Ерунда. – От меня попытались отмахнуться.

Ну, ему, может, и ерунда... До поры до времени. А вдруг внутреннее кровотечение? А он усядется на свой байк и понесется прямехонько навстречу новым авариям. Угробится ведь. И еще кого угробит.

В общем, вцепилась я в брюнета профессиональной хват-

кой. А она у акушеров-гинекологов посильнее, чем у борцов сумо. Роженицы-то всякие попадают, не только легкие и возвышенные нимфы, но и мадам под сто двадцать. Причем не в фунтах, а в килограммах.

«Пациент» так и не смог отбрыкаться.

Глава 2

*Острый ум и эрудиция –
не соперники глубокому декольте.
Дана Убий*

На мотоцикл мы так и не сели и, гордо ревя мотором, по улице не пронеслись. Драндулет хоть и не сильно, но покорёжило, к тому же у него что-то там пробило. Причем так, что он не заводился. Брюнету пришлось припарковать его у обочины, сказав, что потом заберет.

– Почему ДПС не стал дожидаться? – все же не выдержала я, глядя на смятый металл и раскрошенный пластик. – Страховка...

– У меня ее нет, – перебил мотоциклист.

– Еще скажи, что и байк не твой, а угнанный... – ляпнула я, вертя в руках обод – все, что осталось от моих наушников.

Их было жалко. Никогда не любила «затычки» с кучей проводов. А на эти, обнимавшие уши полностью и отсекавшие от шума внешнего мира, я раскошелилась совсем недавно – с последней зарплаты.

– Не скажу.

– И то счастье, – проворчала я. – Пошли, что ли?

И мы пошли, грязные, но непобежденные. Я – величественно, байкер – волоча ногу.

– Как тебя хотя бы зовут, неразговорчивый? – Я покосилась на прихрамывающего мотоциклиста.

Думала, что не ответит. Потому как он сейчас больше всего напомнил слепо-глухо-немого. Его гордый невозмутимый лик отлично подошел бы для инсталляции «краснокожий в каменных джунглях презренных бледнолицых». В общем, если на такого нападешь с вопросом – может и укусить. Молча. Без промедления. Как волкодав.

– Денис, – бросил он коротко.

Повисла пауза. Моего имени он не спрашивал. А я не спешила его радостно сообщать. Шла, глядя вперед. Устала. Мой сегодняшний день был длинным, насыщенным и трудным, прямо как большая Советская Энциклопедия. Поэтому я готова была изображать из себя мисс дружелюбие только за отдельную плату.

А брюнет... Он явно выжидал. С прищуром посматривал на меня так, словно я его заставила заговорить под пытками паяльником и чтением последнего хита Тимати. Затем все же спросил:

– Ну а тебя как зовут?

– Дана.

– Какое говорящее имя... Прямо так и просится сказать: ты дана мне, чтобы я не сдох от счастья. Или, если короче, просто ты дана мне... – Он изогнул бровь. Дескать, я не спохлился, а лишь озвучил очевидные вещи.

– Ты всегда специально провоцируешь людей при знаком-

стве? Или бесить – это врожденный талант?

– Я всего лишь мизантроп.

«Говнюк и задница», – перевела я его слова на общечеловеческий. Уже десять раз пожалела о том, что захотела ему помочь. Но... Не успеет он среагировать, не хромали бы мы сейчас к моему дому. Нет. Скорее всего, меня бы лихо и с ветерком мчали в скорой на встречу то ли с анестезиологом, то ли с патологоанатомом. Так что придется терпеть этого провокатора. Я вздохнула и вслух произнесла совсем другое:

– Мизантроп... Одна моя знакомая считает таких людей вместилищем пороков.

– Твоя знакомая права. И раздражать – лишь самый безобидный из моих.

Тут в нашу милую беседу вклинился скрипучий старушечий голос:

– Гляди-ка ты, на дворе ночь, а она к одному сожителю своему второго любовника тащит! Ни стыда у девки, ни совести!

Подъездный дозор бдел. Денис от такого заявления прибалдел. Правда, ненадолго. Хотя лучше бы словил вирус немоты хотя бы минут на десять. Я только открыла рот, чтобы сказать традиционное: «И вам здравствуйте, чтоб вы были здоровы!» – как брюнет меня опередил:

– А то! У нас тут оргия намечается. Не хотите присоединиться?

Бабка так сверкнула глазами, что я поняла: очень даже хо-

чет. Если не поучаствовать, так запастись материалом для сплеме... высоконаучных диспутов среди коллег по отделу нравственного контроля. Вот только пост свой дозорная, увы, оставить не могла. Караульная служба, она такая – опасная, трудная и ответственная. Вдруг кто из припозднившихся неохаянным останется? Непорядок.

– Ах ты... Еще и издевается! – вспылила бабка, замахиваясь клюкой. – ...Любитесь себе, хоть втроем, хоть вчетвером. А меня, честную женщину, своим поганым языком полоскать не смей!

Денис на сие гневное заявление только хмыкнул. Видимо, тоже понял, что бабке не просто хотелось, а очень хотелось присоединиться к нам.

Я скосила глаза на «пациента». Широкие плечи, к тому же высокий, зараза, – я со своим ростом была ему по подбородок.

А еще байкер вел себя настолько самоуверенно, что возникало неконтролируемое желание поправить ему корону на голове. Лопатой. Сзади.

Хотя, если честно, природа не обделила брюнета. Нет, он не был смазлив. Он был реально красив строгой мужской красотой. И определённо притягателен: волевой подбородок, прямой нос, резкие скулы, суровая складка между бровями – эти нордические черты были скорее типичны для человека, сдержанного в суждениях. Вот только чувственные губы выдавали в нем натуру, порывистую в своих страстях.

«Огонь под ледяной броней», – пришло на ум поэтическое сравнение.

«Расчётливый бабник», – мгновением позже перевела я свое впечатление на язык бытовой прозы.

Между тем мы двинулись к подъезду. А дальше... Скрипучий на все лады лифт вознёс нас на двенадцатый этаж. Узкий длинный темный коридор вел к обшарпанной входной двери двухкомнатной брежневки. Скрежет отпираемого замка. Прихожая, в которой байкер выглядел как шкаф с антресолями, засунутый в багажник «Матиза»...

Я скинула кроссовки, сняла плащ и протопала в ванную мыть руки. Ну и заодно глянуть на свой локоть. Увы, гематома не радовала. Скорее она, как любительница поторговаться на «Привоze», требовала. Горячо и рьяно требовала. Только не сбросить цену, а подкинуть ей льда.

– Проходи на кухню, – кивнула я зависшему, как браузер с двумя открытыми таблицами эксель, Денису.

Он проследовал за мной. Мрачный и молчаливый.

Когда мы очутились в шикарных апартаментах три на два метра, где помимо плиты, холодильника и раковины надо было как-то уместить и «пациента», я призадумалась. Чтобы времени зря не терять, отчеканила:

– Снимай штаны.

А сама тем временем полезла на полку за медикаментами и инструментами.

Сзади послышался сдавленный смешок:

– Нет, у меня, конечно, случилось, что в порыве страсти даже до квартиры не успевали добраться... Но таким командным тоном мне девушки еще никогда не предлагали раздеться.

– Какой подробный анамнез... – протянула я, пытаюсь дотянуться до хлоргексидина. – Ай, блин!

Я все же достала антисептик. Правда, с ним на голову упала еще и запечатанная упаковка ваты, тукнув по темечку.

– Вот как назвать состояние, когда в жизни начинает твориться полная лажа? – задала я риторический вопрос, открыв бикс и еще раз тщательно вымыв руки и надев стерильные перчатки.

– Налаживается? – изогнув бровь, подсказал Денис.

– А ты оптимист, – хмыкнула я, вытаскивая пинцет, хирургическую иглу и кетгут, чтобы не нужно было снимать шов, а он сам рассосался.

При этих нехитрых манипуляциях оптимизм байкера начал иссякать. Стремительно.

Спустя десять минут на весьма интригующие звуки на кухню подтянулся Шмулик. Если по паспорту, то Шмуэль Абрамович Фельцман – мой сосед, с которым мы на пару уже несколько месяцев снимали сию квартиру, изображая из себя порядочную молодую семью.

Ну как изображали... Шмулик отвечал за то, чтобы наша фиктивная семья выглядела порядочной. Я – за то, чтобы молодой. А все потому, что двум одиноким людям до трид-

цати квартиры сдавались куда неохотнее и стоили при этом дороже при прочих равных коммунальных. Дескать, будут пьянки-гулянки. Вот мы со Шмуликом и скооперировались в приличную ячейку общества.

Сейчас же, зайдя на кухню, сосед увидел пикантную картину.

Откинув голову назад, симпатичный брюнет со спущенными штанами сквозь стиснутые зубы и гримасу то ли боли, то ли наслаждения шипел:

– Аккуратнее там. Что, понежнее нельзя?

Я же, спиной к входу присевшая на корточки перед его волосатой конечностью, послойно зашивала порез на бедре. На его заявление просто не смогла удержаться:

– Еще скажи, что это твой первый раз, потому ты и истеешь, как школьница с положительным тестом на беременность.

– Не скажу, но до сих пор было не так больно.

– Врешь, я тебе лидокаин вколола, не должно быть больно, потерпи.

И тут у меня за плечом раздалось покашливание:

– Дана, извини, что помешал, но можно я возьму котлетки из холодильника... Очень есть хочется. А вы продолжайте, продолжайте...

И Шмулик с грацией раскормленного до неприличия кота попытался протиснуться между моей спиной и холодильником, то бишь при его габаритах – совершить невозможное: просочиться в щель шириной двадцать сантиметров.

Не сказать, что это ему совсем уж не удалось: он таки стал счастливым обладателем котлет. А еще – моего гневного рыка: «Верни тарелку на Родину!» Поскольку жарила их я. Покупала фарш – я. И рассчитывала съесть, разумеется, тоже я...

– Ну Даночка, – тут же запричитал недоделанный похититель съестных и условно съестных припасов, – они же такие вкусные. Я не могу удержаться.

– Шмулик, ты что, Кощей? – спросила я тоном «вот сейчас закончу и буду убивать».

Осталось мне и вправду совсем немного – два стежка поспойного узлового шва.

К слову, сравнивая Шмулика и сказочного персонажа, я имела в виду продолжительность жизни, а совсем не габариты. Ибо сосед мой был невысок, кучеряв и обладал в понимании математиков идеальной фигурой – шаром.

Видимо, сын избранного народа почуял, что возражать злой голодной женщине со скальпелем в руках – дело опас-

ное. Ведь я могу и не удержаться от соблазна тяжких телесных и моральных повреждений одному округлому гурману... А совершать заплыв брасом по реке Стикс котлетокраду явно не хотелось: он был молод, полон (в том числе и сил), умеренно красив...

К тому же и водичка в той вотчине Аида, поговаривают, не самая теплая. В общем, сосед принял единственно верное решение: за моей спиной раздался печальный вздох и стук тарелки о полку холодильника.

Вот в чем моему другу не откажешь, так это в мозгах. Пусть он по национальности и не совсем юрист, но ничто еврейское ему было не чуждо. В смысле: соображал он быстро, добротнo, но, к прискорбию его матушки, Сары Моисеевны, применял свои мозги бездарно. Шмулик не пошел ни в мед, ни на юрфак, ни на эконоm. Увы.

Мой сосед пожелал стать на горе матери историком. Да, он легко читал на мертвой латыни, знал язык сарматов и даже не обломал зубы об египетские иероглифы. Прошел тернистый путь от сперматозоида до кандидата исторических наук, но... Это было не то направление, которое, по мнению его родительницы, должен был избрать ее любимый и единственный сын. Подозреваю, получи Шмулик Нобелевскую премию, откопай мумию какого-нибудь Тутмоса Второго, она все равно считала бы, что ее отпрыск в этой жизни таки ничего и не добился. Потому как вектор-то не тот!

Да-да, именно геометрия, а точнее, тот самый вектор

и стал камнем преткновения между Сарой Моисеевной и ее двадцатисемилетним чадом, которое в один прекрасный день собрало вещи и съехало от маменьки на вольные холостяцкие хлеба. И вот теперь мы со Шмуликом снимали шикарные двухкомнатные апартаменты площадью аж целых тридцать пять квадратов.

И нет чтобы тому сообразительному Шмулику, слышав нашу возню на кухне, спокойно сидеть на своих законных квадратах! Увы, ему приспичило непременно притащиться на кухню. А теперь еще и вздыхать укоризненно за моей спиной.

Денис в этот момент то ли просто офигевал от ситуации, то ли, как воспитанный человек, матерился про себя от боли и не вмешивался в нашу уютную семейную беседу. Но, так или иначе, молчал.

– Стоять! Бояться! – бросила я, не оглядываясь, едва сосед завожился, чтобы начать протискиваться обратно.

Шмулик замер.

– Раз уж ты тут, то давай помоги.

– Я в оргиях не участвую, – гордо обронил кучерявый и педантично уточнил: – На этой неделе – так точно.

– А в операциях? – тут же нашлась я.

Хотя какая это, к стрептококку, операция. Так, мелкая манипуляция.

– Дана, вот так всегда! – раздалось патетичное из-за спины. – Любое эротическое приглашение в твоём исполнении

обязательно заканчивается либо клинической гинекологией, либо хирургией.

– Парень, я вообще-то мужик, – Денис, видимо, не удержался от ехидного замечания, – если ты не заметил. Так что сегодня акушерством никак закончиться не может.

– Ты, похоже, еще Дану плохо знаешь, – тут же возразил Шмулик. – У нее родовспоможением может закончиться все что угодно. Даже банкет по поводу выхода на пенсию.

Я закрипела зубами: вот ведь паразит! Припомнил сей факт моей биографии. И было-то всего один раз, когда в ординаторской отмечали уход на заслуженный отдых бывшего начмеда Светланы Игоревны Лобановой. К слову, она пробыла на пенсии всего полтора месяца и потом вернулась рядовым неонатологом. Но это уже, как говорится, совсем другой разрез.

– Не переживай! Денис прав, сейчас родами точно ничего закончиться не может. Так что помогай, а не отлынивай!

– Даже не проси, – обиженно засопел сосед. – Я твои крючки держать не умею, от вида крови меня мутит так, что и сознание могу потерять. А поработать фонариком – ты уже весь свет врубил.

– К пациентке... – Я тут же исправилась: – К Денису я тебя и сама не пушу. А вот сходить в магазин, арабики купить, прямо жизненно необходимо. Банка утром закончилась.

– Так бы сразу и сказала, – пробухтел Шмулик и покинул наконец теплое местечко между моей спиной и холодильни-

ком.

Когда в дверях заскрипел замок, я крикнула:

– Бабушке у подъезда не забудь сказать, что за коньяком пошел. Ибо оргия у нас в самом разгаре, а горячего мало.

– Обязательно, – раздалось из прихожей, и дверь захлопнулась.

Я заканчивала обрабатывать шов, и теперь наступившую тишину разбавляло лишь бряцанье пинцета о жестяное дно бикса.

– Любишь дразнить? – вкрадчиво поинтересовался брюнет.

– Скорее предпочитаю справедливость: раз мы бодрствуем, пусть и «ночной дозор» тоже не спит, снедаемый любопытством.

– Может, та бабулька назло тебе возьмет и ка-а-ак дремлет? – провокации в голосе байкера было столько, что она стала почти осязаемой.

– Нет. Она будет бдеть до полуночи и ждать того звездного часа, когда появится повод из-за шума вызвать полицию, – с этими словами я наложила повязку.

Брюнет даже не скривился. Хотя я точно знала: лидокаин уже начал отпускать. Некстати вспомнился травматолог Шурик. Ныне – счастливый отец близняшек. Два года назад к нему поступила после аварии красавица байкерша, переломанная донельзя. Шурик ей пообещал: если та не пикнет во время наложения шин, то он на ней женится. И она ведь не

пикнула. А он сдержал слово. Шурик потом всем гордо хвастался, что свою жену сам собрал.

Я посмотрела снизу вверх на Дениса. Не... Если ему про свадьбу сказать, то он удерет от меня, забыв надеть штаны. Чем несказанно порадует «подъездную дозорную».

– Бдеть до полуночи, чтобы вызвать полицию... Какой, однако, у вас тут интересный дурдом... – задумчиво обронил заштопанный байкер.

– Как «какой»? – тоном несправедливо оскорбленной спросила я и гордо добавила: – Элитный!

– Это многое объясняет. – Денис прищурился. – Например, то, что легко можно послать своего парня за кофе в то время, когда на его законной кухне в компании его девушки сидит полуголый левый мужик.

– У тебя на лице написано такое осуждение, что я даже растерялась бы... Случись подобное лет десять назад.

– Осуждение? – удивился он. – Скорее непонимание. Женщину, которая тебе дорога, не стоит упускать из виду, а уж отказывать в помощи или оставлять наедине...

– Ты мне намерен причинить вред? – перебила я, вставая с колен.

– А ты всегда так любишь провоцировать? – Денис внимательно посмотрел на меня. – Ведь я могу и поддаться. И, скажем, усадить тебя задницей на этот стол и...

– Если так, то тебе не стоит сейчас надевать штаны, – закончила я за него. – Впрочем, в ближайшие пару часов я те-

бе в любом случае не советовала бы этого делать.

– Предлагаешь мне идти по улице в трусах? – Денис выразительно покосился на свои черные боксеры.

На них по самому центру красовалась отважная птичка Энгри Бердс. Надписи «В атаку!» не было, но я все равно не удержалась от улыбки. Вот хорошо, что я не увидела этого раньше. Нет, рука бы от сдерживаемых смешков у меня не дрожала, но все же...

– Я бы на такое зрелище с удовольствием глянула... Но нет. Посиди еще немного. Просто хочу убедиться, что самое серьезное у тебя – это та рана, которую я зашила. И ты не потеряешь сознание через час-другой от внутреннего кровотечения. Кстати, ты как? Голова не кружится, не тошнит?

– Да вроде все в порядке.

Денис не иначе как из чистого упрямства потянулся за штанами. Видимо, все же собрался уходить.

– Ну, раз все в порядке, то ждем арабику. – Я сделала вид, что не заметила поползновений гостя, и неожиданно для себя призналась: – Хочется выпить пару кружек, чтобы по veins вместо крови бежал неразбавленный кофеин.

– Да я смотрю, доктор, вы кофебольной кофеманьяк, – саронизировал Денис.

– Я просто задолбана. Но... – подняла указательный палец вверх – Но не сломлена.

Убрав свой «инвентарь» в бикс, сделала себе мысленную пометку отнести его в родблок на стерилизацию. А потом не

забыть забрать домой. Мало ли... Вдруг еще какого байкера зашивать придется.

– В таком случае лучшее для тебя – это выспаться до неузнаваемости. Рекомендую.

– А сам-то пробовал свои рекомендации? – усмехнулась я.

– Пару раз. Впечатления лучше, чем после оргазма.

– Это ты еще синхронно высокие каблуки и лифчик с себя не снимал... – со знанием дела возразила я. – Вот где истинное наслаждение.

– Да... такого я еще не пробовал, – согласился брюнет и задумчиво глянул на кухонные часы: – Твой парень что-то долго...

Признаться, мне еще хотелось оставить байкера в блаженном неведении по поводу того, что месье Фельцман – не только не мой «бой», а даже не мой «френд», но я действительно устала. Очень. Посему пошла кратчайшим, естественным, как родовые пути, маршрутом: сказала правду.

– Шмулик мой сосед. И ничего более из того, что ты успел себе вообразить.

Пришлось посвятить брюнета в наши непростые «семейные» отношения.

– Выходит, что для всего дома, в особенности для его дамско-пенсионной части, с этой ночи я твой любовник? – уточнил Денис.

– Получается, что так. – Я шерстила полки навесного шкафчика в поисках жертвенной «крови» для полуночного

кофейного ритуала – коньяка. – А посему, дорогой мой любовник, не раскроете ли вы великой тайны бытия: чем вы занимаетесь в свободное от падения с мотоциклов время? – И, отыскав в недрах початую бутылку, радостно воскликнула: – О, а вот и он!

Я потянулась за пятизвездочной жидкостью, чтобы приготовить свой любимый вид кофе «антидепрессо». И хотя в оном по рецептуре допускалось даже полное отсутствие кофеина, но эффект всегда был одинаковый, вне зависимости от технологии приготовления.

– И что же тебя в первую очередь интересует?

– Смотря какой ты любовник, – иронично ответила я, расставляя на столе три чашечки. Лицо Дениса озадачилось, и пришлось пояснить: – Ну ты у меня для тела, для дела, для души или так просто, мимо пробежавший и на меня упавший?

– Я даже растерялся. А что, в зависимости от функций и ответы у меня должны быть разные?

Наш разговор все больше напоминал бред. Но бред такой милый и уютный, успокаивающий...

– Конечно! – кивнула я. Коньяк весело забулькал по кружкам. – Вот если ты у меня для души, то, чтобы меня впечатлить, срочно придумывай, какую выставку Ван Гога ты недавно посетил, книгу Кафки прочитал, фильм Полански просмотрел... Если для тела, то... – Я выразительно глянула на широкие плечи гостя, торс, накачанные ноги. – То мо-

жешь ничего не говорить, и так вижу.

– А если для дела? – заинтересовался брюнет.

– Тогда поговорим о том, где работаешь и кем, и вообще, можешь ли себе позволить содержать любовницу, то бишь меня. – Я пододвинула гостю чашку, на дне которой плескалось пятьдесят грамм благородного напитка, и удостоилась внимательного изучающего взгляда.

– Знаешь, боюсь, что в спонсоры я не гожусь, – его губы тронула усмешка. – Скорее, сам бы не отказался, если бы меня кто-то... профинансировал. – Он помолчал и, будто подбирая слова, добавил: – Мог бы гордо сказать, что со вчерашнего дня я фрилансер... Но честнее будет ответить, что я просто на мели. Без работы, без зарплаты, а теперь вот и с отказавшим байком.

– Переночевать-то тебе хотя бы есть где? – на всякий случай уточнила я.

– Есть. И где, и с кем. Но как-то не хоч...

Именно в этот момент я услышала рингтон.

Денис достал телефон, свайпнув по широкому экрану, на котором красовалось фото пышногрудой красотки с надписью «Крошка»

– Я выйду ответить, – начал было он.

– Сиди уж, тебе сейчас лучше поменьше двигаться, – махнула я рукой и пошла к себе в комнату, решив заодно и переодеться.

Хотелось бы облачиться в персиковый теплый пушистый

халат до пола и тапочки с зайчиками.... Но, увы, то была моя мечта. А реальность – это длиннющая футболка и старые джинсовые шорты.

Пока я стягивала с себя грязные штаны и джемпер, успела подумать, что чем глубже декольте, тем мужчина охотнее ринется на подвиги. Вон, даже брюнет ради разговора со своей «крошкой» был готов сигануть с низкого старта в коридор. Несмотря на боль...

Я уже нырнула головой в вырез футболки, когда стала невольной слушательницей разговора: все же стены в квартире были тонкие. Порою мне даже казалось, что держатся они исключительно на обоях.

– ...Лика, я сказал нет! Между нами все кончено.

Тишина, за которой еще один жесткий ответ:

– И ты еще спрашиваешь, куда тебе идти? Может, к тому, с кем ты так весело сегодня кувыркалась?

На сей раз тишины не было. Даже через стенку я услышала визгливый крик, в котором отчетливо звенела женская истерика. Уж я-то этот кошачий вой постоянно в преддродовой слышу. Ни с чем не спутаю.

– Ты сделала свой выбор. Я тебя предупреждал, что могу простить многое, но не предательство, – слова, сказанные твердо и категорично, были едва различимы.

Не знаю, сколько бы продлился телефонный разговор, но тут вернулся Шмулик. Я вышла в прихожую, желая получить вожделенную арабику. Но вместо нее мне всучили пачку чая

и пельмешки.

– Я задумался над переводом и как-то ... – начал было оправдываться сосед, но я махнула рукой.

Не в первый раз и не в последний. Шмулик мог задумать-ся над вариантами своего перевода где угодно и забыть при этом про все на свете. Ладно, хоть чай и пельмени принес, а мог бы... хрен знает что. Кстати, хрен с горчицей и приносил чаще всего.

Зато поздний ужин (или ранний завтрак?) был сытным. Шмулик познакомился с Денисом уже официально. Разговор за столом шел о самом важном в жизни – о ерунде. Вспоминали мемы из сети, сосед дымил сигаретой и, воодушевлённо махая руками, вещал об особенностях построения предложений в эпоху золотой латыни. Потом с обыкновенной латыни разговор свернул на медицинскую, а затем и вообще на то, как распознать бартолинит, а там оказалось недалеко и до особенностей операции Вертгейма. На последнем Шмулик не выдержал и взмолился:

– Денис, ну перебей ее! А то мне опять кошмары сниться будут. Умоляю! Сделай что-нибудь...

– Что-нибудь... хм. Могу блог написать, если уж речь зашла о профессиональных навыках, – предложил брюнет и на недоуменный взгляд Шмулика пояснил: – Это то, в чем я силен. Правда, копирайт – все же не мой конек.

– А каков же твой конек? Только не говори, что кровельный... – не выдержала я.

– Вообще-то я... – Его взгляд скользнул по стене, будто ища подсказку. Остановился на записке, прикрепленной к холодильнику. На ней моим уже не сильно разборчивым почерком на тетрадном листе было крупно выведено: «Котлеты не жрать!» Дэн увидел это, хмыкнул, а потом скромно произнес: – Я учитель информатики.

Мы со Шмуликом устались на брюнета, как два пигмея на пингвина, держащего в лапах айпад. Причем не просто держащего, но и гуглящего на нем схему адронного коллайдера.

Меня так и подмывало спросить: «Денис, а скажи что-нибудь на учительском...» Но я удержалась. Целых десять секунд удерживалась, а потом сорвалось ироничное:

– М-да... Однако неожиданная профессия для мужчины, любящего езду на байке.

– Да я сам в шоке, – усмехнулся Денис и, будто о чем-то вспомнив, добавил: – Правда, уже бывший учитель. Недавно уволился и сейчас в свободном полете.

На его последних словах я сладко зевнула. Мне очень хотелось прилечь, ухватить паршивца-Морфея за его хламиду и не отпускать ее до утра из своих объятий. Даже если бог сновидений решит сопротивляться.

– Самое главное в полете – парить или взмывать, а не валиться камнем вниз, – изрекла я. – И если все же доведётся пикировать, то лучше на подушку.

– Намек понял, – тут же сориентировался брюнет, – лик-

видируюсь.

– Оставайся ночевать, ликвидатор...

– Да-да, – неожиданно поддержал Шмулик. – Тем более до рассвета уже часа четыре осталось.

Я вспомнила, что где-то у меня под кроватью валялся надувной матрас. Эту мысль и озвучила. А гость... Взял и не стал отказываться.

Уже выдавая ему насос, собственно матрас, подушку и плед, я поймала себя на мысли, что могла ведь и не предлагать ночлег. Но почему-то предложила. Причем мое участие было не столько врачебное (проконтролировать пациента), сколько человеческое. Я сильно сомневалась, что «крошка», с которой говорил Денис, просто так соберет вещи и на ночь глядя куда-то поедет. Те, кто хотят уйти, уходят молча. А не устаивают показательные сцены шмыганья носом в телефон и отчаянного крика в него же.

Хотя мне ни до «крошки», ни до ее поведения, ни до самого Дениса не должно быть никакого дела. Ладно. Будем считать это благодарностью за то, что сумел увернуться и не намотать меня на колеса своего байка.

После того как отдала брюнету инвентарь для сна, я ушла в свою комнату. Шмулик же с Денисом не иначе как решили продолжить знакомство и остались на кухне. Уже практически проваливаясь в дрему, я услышала, как сосед жарко доказывает бывшему учителю, что ныне пиктографическая письменность переживает второе рождение, а тот ему даже

поддакивает что-то в духе: «Да-да, можно общаться смайлами и стикерами...» Под этот бред я и уснула. И уже там, в мире грез, началось мое падение.

Я летела сквозь облака, туманные, плотные и холодные. Вокруг – тишина. Лишь бездонный небесный колодец, в глубине которого не видно земли. Подумалось: если это сон, то могу ли я в нем разбиться? А взмыть птицей к солнцу? Вот только ответа мне узнать так и не удалось. Будильник ворвался в сознание противной трелью. А ведь когда-то это была песня, которую я обожала. До тех пор, пока не поставила ее сигналом будильника. Воистину, от любви до ненависти – всего ничего. Один звонок. Причем даже не телефонный, а так... рингтон.

Я накрылась с головой одеялом, пытаюсь спрятаться от реальности. На какое-то время даже удалось. Пока сигнал будки не повторился.

Просыпаться не хотелось. Совсем. Напрочь. А вставать надо было. Вот только как это сделать без волшебного зелья дофаминового, эндорфинового, адренаинового, серотонинового, фенилэтиламинового... Да любого. Я бы даже от волшебного пенделя не отказалась. Ну, на худой конец, поцелуя принца. Почему «на худой»? Потому как там, где особа королевской крови, обязательно рядом ошиваются проблемы. Что бы ни воображали себе маленькие девочки, верящие в сказки о богатой и счастливой жизни, а я еще в детстве поняла: принцы, у которых все хорошо, по сомнительным ле-

сам не шлятся. И если они не извращенцы, то просто так коматозных пыльных девиц в гробах не целуют.

Вывод, который я сделала, когда мама читала мне эти сказки, был однозначен: если ты спишь и тебя ни с того ни с сего вдруг целует принц, то жди проблем.

Сейчас же я была согласна даже на лобызающегося королевича, лишь бы восстать. Но отпрыски благородных кровей в брежневках и хрущовках не водились. Не климат им здесь, что ли...

Пришлось все самой, все самой... И вставать, жутко зевая, и плестись на кухню за кофе, который помог бы мне открыть глаза.

Шаркая по полу тапочками, я зашла на кухню. Не стала включать верхний свет, который обязательно больно резанет по глазам, и поплелась к подсветке над раковиной. Тут я и споткнулась о какой-то мешок, развалившийся прямо посреди кухни.

– Твою ж!.. – именно так меня поприветствовало то, на что я упала. Вернее – на кого.

Я почувствовала под рукой обнаженный торс. Твердый. Мужской. Попыталась встать, упершись... куда пришлось. Судя по хриплому оху, я отдала что-то весьма ценное. Тело подо мной дернулось, отчего я, начавшая уже было вставать, чуть не шмякнулась повторно. И тут нахальная мужская ладонь цапнула меня за грудь, чтобы отпихнуть, но то ли осязаемое наглой лапе понравилось, то ли она вообще

хватала все, что в нее попадает...

– Кастрирую, – пропыхтела я.

– Всегда мечтал услышать подобное именно поутру, оказавшись с девушкой в одной постели, – полный сарказма тон напоминал концентрированную серную кислоту.

В голове выстроилась цепочка: гопники, авария, байкер, узловой шов, пельмени, надувной матрас. Но вроде бы в этой схеме звена «утреннее эротическое нападение» не значилось...

– Значит, считай меня крестной феей, исполнившей твою мечту, – фыркнула я, пытаюсь встать.

Байкер недобитый (а споткнулась я об него), сам того не подозревая, взял на себя роль принца: окончательно таки разбудил меня.

– Ты по утрам предпочитаешь омлет? – убийственно-спокойно спросил Денис и пояснил: – Если нет, то перестань ерзать и слезь!

Я шустро вскочила на ноги и щелкнула выключателем. По глазам резанул яркий свет, выбив слезы. Едва проморгалась.

Часы показывали шесть утра. Лицо брюнета – злость. Как оказалось, он лежал на надувном матрасе посреди кухни. Почему здесь, а не со Шмуликом? Причина был прозаической: у этих двоих случилась несовместимость характеров. У соседа был характерный храп, с присвистом. А у Дениса характерный чуткий слух, хоть и не музыкальный... В общем, не сошлись. Посему пришлось брюнету эмигрировать, как аф-

риканским беженцам. Правда, не в цивилизованную Европу, а на дикую российскую кухню.

А тут я, как бомбардировщик, спикировала на него. Судя по всему, телу байкера не очень понравилось падение сверх плана: оно и так вчера хорошо приложилось об асфальт.

– Симпатичная у тебя э-э-э-э... пижамка, – между тем сипло протянул Денис, пройдясь странным взглядом по тому безобразию, которое мне преподнесла подруга на день рождения.

Пижамка была удобной, легкой, тонкой и... вопиюще короткой. К тому же на бретельках. В ней я появлялась на кухне только утром, когда Шмулик, сова по натуре и велению души, крепко дрых. А вот сегодня... М-да, промашечка вышла.

– Нравится? Могу такую же подарить. Тебе пойдет, – ответила настолько приторным тоном, что у меня самой сахар в крови на несколько единиц подскочил.

Да-да... я порою мила до безобразия. После безобразия, впрочем, тоже мила.

Часы показывали, что еще немного – и надо будет идти на смену. Вернее, уже бежать. А если задержаться на пятнадцать минут – не только бежать, но и нестись, сбивая столбы и нерасторопных ранних прохожих.

Я специально сняла комнату недалеко от родной многопрофильной больницы, но... Когда-нибудь – честное слово! – я обязательно перестану опаздывать на работу. Точно.

Зуб даю. Правда, не свой, а Шмулика. Но, похоже, это «когда-нибудь» случится не раньше, чем изобретут телепорт.

— Итак, на завтрак омлет, — ехидно прокомментировала я и, дождавшись возмущенного взгляда, уточнила: — Есть будешь?

Брюнет, не иначе как в отместку за то, что я его слегка попинала спросонья, заверил, что будет непременно.

— Значит, ты и жарить, — удовлетворённо заключила я и потопала к себе в комнату за вещами.

Памятуя о том, что джинсы грязные, достала из шкафа поношенные карго. Их я любила за кучу карманов, в которые, по ощущениям, можно было запихнуть все. Даже слона, если того предварительно разделить.

Я взяла в охапку остальную одежду и отправилась в душ, сильно сомневаясь, что Денис приготовит завтрак. Как-то не сочетался он со сковородкой, на которой жарились яичница или оладьи. Такому скорее подошли бы блинчики из спортзала по десять и пятнадцать килограмм. Ничуть не сомневаясь, что кашеварить придется все-таки мне, я влетела на кухню за кофе и зависла, напоровшись на картину «брюнет у плиты». И было отчего.

Денис, не утруждая себя рубашкой, стоял в одних штанах и колдовал над сковородой, откуда потрясающе пахло. Широкая загорелая или просто от природы чуть смуглая спина впечатляла. По такому рельефу можно было положение мышц изучать. Мой взгляд задумчиво скользнул по шее, ма-

шинально отметив напряженную ременную, ниже – отлично развитые дельтовидные, трехглавую и большую ромбовидную, а еще – широчайшие мышцы спины. Тело сильное, поджарое, без единой капли лишнего жира.

– Нравлюсь? – не оборачиваясь, спросил Денис, заставив меня вздрогнуть.

– Кхм... – кашлянула я и, не скрывая очевидного, добавила: – Отчасти. Но, вообще-то, я уже в том возрасте, когда у девушки на уме только одно... – Я дождалась, когда брюнет заинтересованно на меня покосится, и добила: – Как бы заработать пару тысяч зеленых в месяц. Поэтому я сейчас быстро завтракаю и несусь на промысел.

– Промысел?

– Промысел Божий и врачебный, а не то, что ты подумал.

– Да я вообще с утра ничего не думаю, – усмехнулся он.

«И другим своим обнажённым торсом думать мешаешь», – я не сказала, но очень выразительно подумала.

После завтрака я полетела по квартире, на ходу собираясь. Загостившийся брюнет мгновенно очутился в коридоре. Вышли из дома мы вместе. Даже на пенсионный патруль не наткнулись, что удивительно. Хотя их лавочку Денис оценил. И было за что: все дело в том, что из сиденья торчали гвозди. Причем острием вверх.

Приглядевшись, можно было увидеть, что на самом деле деревяшка состоит из двух частей, которые сейчас были сложены одна на другую. С одной стороны их соединяли дверные петли, с другой – замок. Когда «полиция нравов» выходила на заставу, то замок отпирался, утыканная гвоздями доска откидывалась назад, свешиваясь почти до земли, и на абсолютно гладкую вторую доску, отполированную старуше-

чьими задницами, спокойно приземлялся десант. Конечно, и ночью на лавочку можно было присесть. Попытаться – так точно. Если не жалко штаны и филей.

– Сурово, – присвистнул Денис.

– Профилактика геморроя, – уточнила я. – Сия неприятная болезнь возникает как раз из-за застоя крови при долгом сидении.

Так что бабульки того... Заботились о молодежи, которая иногда любила похрустеть чипсами с пив... с чаем у подъезда. Чтоб, значит, у них кровь не застаивалась...

Но брюнет мой специфический врачебный юмор не понял.

– Спасибо, что оставила переночевать, – на прощание поблагодарил он.

– Тебе спасибо, что не врезался. А повязку сегодня смени. И да, там дренаж стоит, так что, если увидишь, что он отпал, не пытайся запихнуть резинку обратно в шов.

– Ну, я же не совсем идиот, – пренебрежительно фыркнул Денис.

– Знаю, но поверь мне, случаи были. И вообще. Лучше, чтобы первую перевязку тебе сделала медсестра, заодно обработав шов.

Договорив, я глянула на время и... припустила во все лопатки. До смены оставалось совсем ничего.

Глава 3

*Все мои дела были разложены по местам.
И у каждого – свои имя и время кормления.*

Дана Убий

Каждое хорошее рабочее утро начинается с втыка. Взгреет начальство – и ты сразу получаешь заряд бодрой злости, словно сел на шприц с адреналином. Во всяком случае, наш начмед исповедовала именно эту истину.

Сегодня пятиминутка затянулась. Основательно так. Выражаясь рабочей терминологией, перехаживала она. Уже час, как перехаживала отведенный ей срок. Я сцеживала зевки в кулак, вспоминая, как пришла сюда еще зеленым интерном. Много вод утекло (в том числе и околоплодных) с тех пор, но традиция накрутить подчиненным хвосты уже в те далекие времена была незыблемой.

– Если я сказала, что Вдовина будет делать аборт поступившей, значит, будет. Делать! А не ныть, что скальпель неудобный, кровь страшная, а у нее душевная организация – тонкая.

Интерн, которую распекала начмед, при этих словах вспыхнула маком. Ну да, прерывание беременности на двадцатой неделе – не самая приятная операция. Ни для вра-

ча, ни для детдомовской тринадцатилетней девочки, которую изнасиловал какой-то подонок. А она никому ничего не сказала. И дальше бы молчала, если бы на общем медосмотре не выяснилось: беременность, второй триместр. Причем у плода анэнцефалия – фетальный показатель для прерывания беременности.

Только потом воспитатели спохватились. Дескать, думали же, все в порядке: девочка-то тихая, учится нормально, проблем не доставляет. Одета, покормлена. Что еще надо?

Итог – аборт и уголовное дело. И если второе – не по нашей части, то первое... Нет, конечно, Вдовина будет не одна. Ее подстрахуют и зав. гинекологией Ольга Даниловна, и опытная акушерка. Но все равно тяжело. Особенно для интерна, которому надо набираться опыта, набивать руку и черстветь душой.

Именно в такие минуты понимаешь, что врач – это не только профессия. Это еще и то, что внутри. Ты причащаешься к таинству жизни и смерти. Порою стоишь с руками по локоть в крови. Проводишь бессонные ночи. Слышишь стоны боли и тихий радостный смех. Иногда, как сегодня Вдовина, отнимаешь жизнь ради жизни. Но чаще (и это главное) слышишь в операционной его – первый крик.

Врачи бывают разные: сдержанные и эмоциональные, интеллигентные и матерщинники... Всякие. Объединяет их одно – дух. Без этого эфемерного понятия долго в профессии не задерживаются. Да, как и в каждом коллективе, здесь есть

сплетни, и еще какие! Кипят страсти – можно обжечься. Но в операционной все будут равны, как могут быть равны только оказавшиеся на пороге между рождением и небытием.

Здесь все решают опыт, доверие и надежное плечо коллеги, а не лайки и рейтинги. Врачами становятся не ради денег. Достойная зарплата? Разве что достойная слез, недоумения и сочувствия. Во всяком случае, до тех пор, пока у тебя не будет имени и опыта.

У врачей есть свое особое... братство, что ли. Хотя от сего слова и несет пафосом. Потому что это не специальность – это состояние души и образ мыслей.

Наконец пятиминутка закончилась. Можно выдохнуть. Потом вдохнуть. Влить в себя чашку кофе и пойти переодеваться, готовясь к плановому кесареву.

Я стояла у крана, надраивая руки мылом. Ушибленный вчера локоть болел, но терпимо, хотя и втерла в него обезболивающей мази от души. Рядом плескался анестезиолог Лешка – веселый светлый парень с абсолютно черным чувством юмора. Одна его фраза «Без надобности не лечись – проживешь дольше» чего только стоила.

Закрыв локтем кран, Лешка потянулся к общим стерильным пижамам и – кто бы сомневался! – цапнул из стопки мою любимую.

– Положи на место, – процедила я.

– Дана Владимировна, вы сегодня какая-то злая, – паясничал анестезиолог, прекрасно зная, что меня бесит, когда

берут мои вещи. Пусть те мои лишь условно.

– Я не сегодня, я всегда. А еще эгоистичная и самовлюбленная. Но, кроме этих достоинств, у меня есть и недостатки, – парировала я. – Пижаму верни.

Удивительно, но Лешка, хитро прищурившись и глядя мне прямо в глаза, протянул зеленый комплект.

– Дан, а что ты делаешь сегодня вечером? – внезапно спросил он.

Хотела ляпнуть: «По плану – подыхаю». Но любопытство оказалось сильнее.

– К чему вопрос?

– Просто у меня есть два билета в Австралию... – заговорщицки сообщил этот клоун.

– Леш, твое чувство юмора можно использовать вместо анестезии: оно как отличный тяжелый лом бьет прямо по затылку.

– Зато благодаря ему ты сейчас не задумчивая и сонная, а злая и собранная.

Я фыркнула и пошла переодеваться.

Все же Лешка балагур и та еще зараза, но чего у него не отнять – это умения взбодрить. После короткого разговора я действительно собралась, будто спала не всего пару часов, а добросовестно мяла полушку треть суток, как и завещал великий физиолог – Иван Петрович Павлов. Кстати, несмотря на то, что онный ученый муж был выдающимся, памятник-то поставили сначала не ему, а его собаке... Судя по всему, она

была еще более выдающейся.

С такими мыслями я и вошла в операционную, где уже лежала беременная. Она кусала губы и пыталась одновременно улыбаться – эта смесь тревоги и ожидания радости всегда меня поражала.

Посмотрела на ее тело, которое шторка разделяла пополам: тканевая граница меж вотчиной анестезиолога и акушера была почти эфемерной и в то же время – незыблемой.

Рядом с роженицей уже колдовал Лешка. Сейчас он ничем не напоминал того паяца, которым был десять минут назад. Сосредоточенный, внимательный, он пристально следил за показаниями давления и пульса.

Тишину операционной нарушало лишь бряцанье инструментов. Никаких переглядываний, подмигиваний, шуточек. Это будет потом, когда всё закончится... Ну или почти закончится, и станет ясно, что опасности нет и в извечном бою человека со смертью выиграно еще одно, пусть маленькое, но сражение.

Скальпель рассек сначала верхние ткани. Потом я сделала еще один надрез. Мои движения были отточенными, выверенными. Помню, как еще студенткой училась резать: складывала несколько тетрадных листков один на другой и проводила по жиденькой стопке скальпелем. Нужно было рассечь верхний, не тронув нижний. Сколько я тогда бумаги извела...

Младенец появился на свет вполне здоровый, но очень

крупный.

– Четыре с половиной, – на глаз определила неонатолог Светлана Олеговна – дама пожилая, но удивительно проворная, несмотря на свой преклонный возраст. Вот уж кого язык не повернется назвать «бабушкой», хотя ее внуки скоро сами в институт пойдут.

Новорожденный оказался даже недовольным малым, о чем не преминул тут же всем сообщить. Громко, требовательно и на одной ноте он огласил операционную криком, который был похож на взрыв звуковой гранаты в миниатюре.

– Певцом будет, – усмехнулся Лешка, глядя на голосистого младенца.

– Певцом, отцом, молодцом... – фыркнула Светлана Олеговна, – главное, чтобы здоровым!

И, взяв недовольного новорожденного, понесла его на обработку.

Ребенок попробовал было что-то еще прогорланить, но с неонатологом, которая за свою смену с десятков новорожденных принимала, больно-то не повоюешь. Тем более если из оружия лишь одни высокие ноты.

– Четыре восемьсот, – спустя пару минут сообщила Светлана Олеговна, которая редко ошибалась в весе более чем на сто грамм. – И десятка по Апгару.

Действительно богатырь... Такой едва поместился в роженице, собственный вес которой был едва ли пятьдесят.

Дождавшись выхода плаценты, начала зашивать. Вокруг

уже не было тишины. Впрочем, и суеты тоже. Зато была радость. Тихая и светлая. Еще одна жизнь.

Вот только Фортуна – дама капризная. А еще она очень любит разнообразие. И уж если подарила тебе радость, значит, жди в дальнейшем гадость. В моей жизни это был закон, не дававший сбоев.

Спустя час я выслушивала в кабинете начмеда оду. Мата в ней почти не было. Зато присутствовало восхваление меня. Правда, в гомеопатических дозах, но все же.... Это не то чтобы настораживало, а откровенно пугало.

Причина такого странного поведения начальства оказалась простой: приказ министерства. Ну не совсем приказ (иначе бы и деньги выделили), а пожелание. Активное такое пожелание, как родовые потуги, от которых фразой «давайте потерпим-подождем» не отделаешься.

Пару лет назад на федеральном уровне было утверждено: каждое образовательное и лечебное учреждение обязано иметь свой сайт. Обязано. И точка. Это раньше человек без бумажки был таракашкой, а ныне больница без своего домена – не больница, а так, аппендикс при ЖКТ.

Для нашей многопрофильной сайт тоже сделали. Правда, на коленке, отрабатывавшие таким образом свою практику студенты-программисты, но все же... Сайт получился ужасным, страшным, жутко непонятным и унылым. Зато гордо наличествовал на просторах сети, прячась в самом конце ленты результатов поиска браузера.

Коварный онлайн-ресурс глючил даже там, где это было теоретически невозможно. Но, как говорится, нет такого препятствия, которое русский человек не мог бы обматерить, и сайта, который бы он не мог обрушить. В случае же с рунетовской версией нашей многопрофильной и ронять ничего не требовалось. Достаточно было просто зайти на его главную страницу и...

В общем, наш сайт всем своим видом показывал, что лечение в государственной больнице – процесс тяжелый и плохо финансируемый. И вот теперь многомудрые мужи из госаппарата решили, что и этого мало. Нужно быть «ближе к народу», то бишь к больным, и пора бы нашей больнице шагнуть в соцсети. А денег на сей подвиг не выделили, взвалив расходы на плечи медперсонала.

Вот начальство и нашло козу отпущ... пардон, молодую, активную и не обремененную семьей. Меня. Начмед, грузная дама, способная одной левой остановить танк на полном скаку, сдвинула брови и решительно заявила:

– Значит, так, Убий. Тебе задание. Завести в социальных, мать их, сетях страницы. Рассказать, какая у нас отзывчивая больница, отремонтированный персонал, – она запнулась, смутно заподозрив, что сказала что-то не то, но потом махнула рукой. – В общем, что мы достойные и вполне можем конкурировать с частными клиниками, которых нынче развелось, как дрозofil на гнилом помидоре.

Устремленный на меня взгляд словно говорил: «И я знаю,

что в одной из них ты, Даночка, подрабатываешь два раза в неделю». Я ответила ей кристально чистым, как байкальские воды, взором: «А вы разве нет?». Ну а кто из нас безгрешен?

В наш немой диалог вмешался стук. Кто-то, энергично сбивая костяшки, рвался в кабинет.

– Войдите! – гаркнула начмед так громко, что я едва не получила контузию.

Самоубийцей, жаждущим встречи со смер... злым начальством, оказался реаниматолог. Кто бы сомневался. Реаниматологам вообще с госпожой костлявой рандеву по должности положены.

– Дана Владимировна, задание понятно? Тогда к концу недели жду отчет. И да, просили, чтобы сделали не для галочки. Вот, почитайте требования. – Передо мной на стол шмякнулись несколько листов, которыми подзакусила скоба степлера. – А теперь свободны.

– Мне некогда... – попыталась в последний раз отбиться я. – Всю неделю ночные дежурства, еще и...

– Убий, – устало вздохнула начмед. – Ну кому этим заниматься-то?

– Интернам, – тут же сдала я недоколлегу. – Они моложе и энергичнее, им – самое то по соцсетям ползать.

– Им не дурью маяться, а опыта набираться надо, – фыркнуло начальство. – А то вон у... как его... – Начмед наморщила лоб. – Зябликова! При лапароскопии миоматозных узлов так руки дрожали, что он два раза крючок выронил.

– А может...

– Премию выпишу, – зловеще, словно собиралась прирезать меня без анестезии, пообещала начмед.

С козырей пошла. Дурной знак. Откажусь – дальше будет запугивание. Не то чтобы я сильно боялась. Но ведь в ее власти поставить дежурства так, чтобы мне было максимально неудобно и в клинике совмещать, и кандидатскую, едрит ее за ногу, писать. На последнюю я согласилась месяц назад не иначе как в помутнении рассудка.

Посему я покорно кивнула, взяла листы и отправилась в ординаторскую. Там Леша уже потягивал кофе, что-то обсуждая с Ольгой Даниловной.

– А... и тебе всучили, – увидев в моих руках листы, радостно констатировала зав. гинекологией.

– А кому еще? – тут же полюбопытствовала я.

– Да многим. Кому что. Алексею вон выпала честь прочитать лекции для юношей пубертатного периода. Рассказать им о контрацепции...

Я лишь хмыкнула: вот как у Ольги Даниловны получалось так утонченно ехидничать? И вроде бы смысл сказанного был предельно корректен, но вот интонация... Английская аристократия нервно кусает локти.

Ирония была в том, что «честь» выступать лектором – сомнительное удовольствие. Современные подростки эпохи блогеров в свои четырнадцать считали, что знают о сексе все. И учить их не надо. Это скорее они могут организовать и

лекцию, и практикум...

Но сия святая уверенность жила в них до результатов анализов. Ведь от сифилиса, папилломовируса, трихомониаза презерватив защищает только одного из трех. А от того же конгениальн... – пардон, с гениальностью у моллюсков плоховато – контагиозного моллюска он и вовсе бесполезен.

Но подобные тонкости до отроческих умов доходят поздно и, как правило, опытным путем. А пока Лешку ждет хихикающая толпа подростков, в которых бушуют гормоны.

– А мне достались соцсети. – Я села в кресло.

– О, здорово. Может, махнемся? – взмолился Лешка. – Тебе пару-тройку лекций...

– Пару-тройку десятков, – поправила я, памятуя прошлый обмен, и на всякий случай покрепче схватила листочки.

Вторая половина дня прошла без сюрпризов, а вот когда я пришла домой и вчиталась в «инструкцию»...

«Администрирование группы, стратегия, брендинг, дизайн, контент-план... Ведение страницы, ответы в директ, персетное оформление...»

Господи-боже! Такое ощущение, что передо мной меню на китайском!

«Минимальное число подписчиков от десяти тысяч».

Что?! Похоже, тот, кто это составлял, не сильно заморачивался, а, скорее всего, сдул все умные слова с какого-нибудь сайта по услугам маркетологов. А может, указодатели рассчитывали на тендер, но что-то не срослось.

В итоге я и монитор в ночной тиши смотрели с ненавистью друг на друга. Я понимала, что в моих силах создать разве что группу «Унесенные пенным» на семь подписчиков, одним из которых будет хомяк Шмулика, носивший гордое имя Техасская Рыжня Бензопилой.

К слову, как соседу удалось уломать квартирную хозяйку разрешить ему оставить Теху, для меня осталось еще одной загадкой еврейского народа. Но хомяк проживал в своей комфортной двухкомнатной клетке и радовался всем благам бытия, а я даже рыбку не могла себе завести. Шмулик же гордо демонстрировал мне своего рыжего любимчика.

С другой стороны... Если я не справлюсь, может, с меня это задание снимут? Посему, вспомнив древнюю мудрость о том, что путь к спокойствию и медитативному состоянию начинается с мантры «не мой, мать твою, геморрой головного мозга», я с чистой совестью создала кривенькую группу на синем сайте и аккаунт – на сиреновом. За «брендирование» сошла мутная фотография нашей многопрофильной больницы, найденная на просторах сети. И неважно, что ракурс был как раз на самую обшарпанную стену, на которой поверх голубой штукатурки красовался белый квадрат, стыдливо скрывающий чей-то литературный порыв. Но если хорошо приглядеться, то через слой снежной краски все равно проступало название романа великого классика Николая-Жги-Все-Гоголя. Правда, «Вий» тогда хулиганы написали с двумя ошибками, но все же... Тянулись ребята к литературе. Но

так и не дотянулись, видимо.

Вспомнив, как санитарка весной орудовала валиком, изображая белый квадрат Малевича, я хмыкнула, а потом и щёлкнула мышкой по надписи «загрузить изображение». Миссия по организации больничной группировки была выполнена.

Создала – и забыла как страшный сон на два дня. А вот начмед не забыла. Проконтролировала (вот ведь дотошная!) и разразилась тирадой.

Я наивно надеялась, что на крике: «Ты издеваешься, Убий?» – все закончится... И если нагоняй от начальства как-то можно было пережить, то странных личностей – нет. В сообщения и директ начали приходить письма от недовольных пациентов, какие-то вопросы, часто вообще не связанные с нашей больницей и даже заболеваниями. Захотелось послать всех... к коллегам, в частности к проктологу или урологу, а можно – еще дальше. Так ведь сходят, вернутся, еще и всем расскажут, какой увлекательный был маршрут.

Сложилась ситуации, которую, перефразировав Сергеича-Наше-Все-Пушкина, можно было охарактеризовать так: «О сколько нам работы нудной приносит ум начальства скудный!».

На третий день, сидя на кухне после ночной смены, я поделилась своей проблемой со Шмуликом: а вдруг сын избранного народа подкинет гениальную идею? В том, что он

сам возьмется вести соцсети (пусть и корыстно, за котлетки), я сомневалась.

– Я в этом всем не силен, – пробормотал сын избранного народа. – Найми какого-нибудь начинающего блогера.

– Найми... Знаешь, я даже на подкуп всего английского парламента могу из своей зарплаты не больше десяти евро выделить, а ты... Нанять бло-ге-ра! Я слышала, эти ребята миллионы требуют.

– Потому и говорю, найди какого-нибудь студента или безработного...

При последних словах Шмулика наши взгляды встретились.

Мы оба вспомнили об одном недавно уволившемся учителе информатики, которого я как раз на этой неделе заштопала.

Глава 4

Нет между людьми равенства. Это факт.

*Программист может легко научиться
ремонттировать кран, а вот чтобы сантехник за
пару дней создал алгоритм в Assembler – хрен вам.*

Дэн Льдов

Дэн

Рыжая бесила. Я не мог выкинуть ее из головы.

Кудрявые волосы волной. Веснушки – словно прикосновения солнечных лучей, что расцеловали сливочную кожу с рождения. Пухлые губы. Иронично изогнутые брови. Дана Убий. Девушка-осень, в которой все было противоречиво. Даже ее грозная фамилия контрастировала с образом живого огня, воплощением которого Дана была на самом деле.

А я... Х-хорош. Вот уже четверть часа сидел и как придурок тарачился на аватарку ее аккаунта. Хотя надо было срочно разобраться с двумя новыми проектами и определить стратегию продвижения каждого.

Когда наутро после аварии прощался с рыжей на улице, то думал, что больше ее в моей жизни не будет. Не знаю, зачем тогда обернулся, чтобы еще раз увидеть узкую спину, копну

непокорных волос и весь силуэт, чуть подернутый дымкой утреннего тумана.

Казалось, забуду на следующий же день. Проблем и без нее хватало. Лика приготовила мне насыщенную программу встречи: от кружевного пеньюара и готовности на все и во всех позах до истерики, что я – неблагодарная свинья, на которую она потратила лучшие недели своей молодости.

Когда это не сработало, залилась слезами. Уверяла, что произошло недоразумение. Клялась, что я ей необходим, что между нами прочная связь... Прямо как между сотовым и вайфаем. Был бы восемнадцатилетним дураком – купился бы: бывшая каялась очень убедительно. Но, увы, в свои почти тридцать я научился отличать знаки судьбы от таргетированной рекламы. И на «случайно» спущенную бретельку, по вине которой оголилась упругая грудь, реагировал не головкой, а головой. Хотя Лика истово, до отчаянной злости, хотела обратного.

Бывшая ушла, разъярённо стуча каблуками и обещая, что я еще пожалею. Хотя именно сейчас жалела она: о хорошей квартире в центре, о своем содержании и удобном образе жизни, которых я, «гребаный козел и ничтожество», ее лишил.

Я откинулся в кресле. Вот странность: о Лике я забыл сразу, как выпроводил ее. Лишь когда она ушла, сделал в блокноте пометку: «актеру за Лику – сто долларов». И все. Вычеркнул из памяти.

Зато рыжая зараза так прочно обосновалась у меня в голове, что не вытряхнешь. Может, пойти снять на ночь похожую на нее девицу? Да только суррогат что в еде, что в напитках, что в женщинах может быть приятен телу, но отвратен душе.

– Эй, Дэн, ты там что, слился в экстазе с прогой? Чего такой задумчивый?

Рядом нарисовался Макс – друг, соратник, собутыльн... В общем, тот, с кем немало было съедено соли и пережито налоговых проверок.

С Максом мы начинали семь лет назад в задрипанном подвале. Студенты, у которых не было ни гроша за душой, зато имелось море амбиций и желание покорить интернет.

Сейчас мне под силу создать звезду инстаграма, сделать популярным вчерашнего ноунейма. Организовать вброс, который всколыхнет людские умы. Замять скандал, который все же просочился в интернет, чтобы его почти не заметили массы. Таких, как я, называют повелителями рейтингов.

Стратегии продвижения, миллионные охваты, имя или бренд, который звучит из каждого утюга, – любой каприз клиента. Достаточно лишь суммы с шестью нолями на мой счет.

А Макс – дизайнер от бога и по совместительству архи-маг стихии Фотошопа. Причем один из лучших. Способен разобрать аватар на пиксели и собрать заново так, что даже таракан огребет кучу лайков.

– Как дела? – спросил Макс, пристроив тощую ягодицу на

край моего стола и сложив руки на груди.

– Процесс протекает с тяжело выявляемой амплитудой колебаний и весьма неоднозначно... – ехидно ответил я, прекрасно зная, что кое у кого на такие формулировки изжога.

– Значит, через задницу, – перевел Макс. – А у нас завтра запуск.

Он нахмурился, и тут его взгляд зацепился за монитор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.